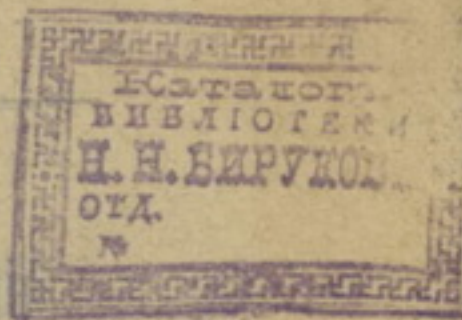

Ф И С К А Л Ъ

Въ провинціи по 8 к.

ПОЛИТИКО-САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Цѣна 6 коп.

Велика на почвъ рана,
Варывъ ничѣмъ не сокрушитъ,

И жандармами вулкана,
Никогда не потушитъ.

НИГИЛИЗМЪ И АНАРХИЗМЪ.

Нигиль—это по латыни—ничего. Изъ значенія слова уже вытекаетъ, что ученіе нигилизма — это ученіе, которое ничего не признаетъ: ни родительскаго авторитета, ни любви, ни законовъ, также отрицается этимъ ученіемъ Богъ, свѣтъ, воздухъ, существованіе всего существующаго, даже самого себя не признаютъ, значить отрицаютъ свое «эго».

«Эго»—это по-латыни—я. Эгоизмъ—по-русски — яизмъ. Значить нигилисты отрицаютъ даже эгоизмъ. Но въ то же время по послѣдовательности отрицанія всѣхъ и всего не могутъ нигилисты признавать альтруизма. Альтруизмъ происходитъ изъ слова—альтеръ—по-латыни—другой.

Если эгоистъ заботится только о себѣ, альтруистъ—наоборотъ—думаетъ, дѣйствуетъ, заботится только о другихъ, въ пользу своихъ ближнихъ. Чтобы нагляднѣе разяснить значеніе слова какъ эгоизма, такъ и альтруизма, то стоитъ вамъ сравнить аристократа съ нашимъ полицейскимъ. Если бѣдный, нищій обращается съ просьбою за милостынею къ аристократу, то онъ непременно его отгоняетъ отъ себя, выругаетъ, называетъ бѣднаго канальей или крамольникомъ, конечно не давая бѣдному ничего. А въ Акваріумѣ или въ Крестовскомъ тотъ самый аристократъ въ обществѣ ночныхъ птицъ растрачиваетъ если не тысячи, то сотни въ одинъ вечеръ. Ему весело. Аристократы, значить—эгоисты, чего нельзя сказать о нашей полиціи. Какъ всѣмъ извѣстно, полиція заботится исключительно только о другихъ. Заботится о

томъ, чтобы вы не слишкомъ поздно возвращались домой, поэтому запираетъ рестораны въ полночь и даже ранѣе, чтобы вы имѣли возможность какъ проиграть такъ и выиграть деньги, для того открываетъ клубы; нуждаетесь вы въ ласкѣ, сходите на Невскій, за рубль сколько угодно; хотите вы упражняться гимнастикой, сходите по панелямъ улицъ, вы станете со временемъ настоящимъ эквилибристомъ. А если ваша жена убѣждала или собачка, полиція вамъ ихъ навѣрно вернетъ; украли у васъ что-либо, она же вамъ достаетъ все краденное, иногда даже съ избыткомъ; и все это полиція совершаетъ безвозмездно, даромъ, ради любви къ ближнимъ. Вотъ это называется настоящимъ альтруизмомъ.

Познакомивъ съ эгоизмомъ и альтруизмомъ, вернемся опять къ нигилизму. Нигилисты, какъ сказано, не признаютъ ни эгоизма, ни альтруизма. Если ты Иванъ Ивановичъ, нигилистъ увѣряетъ тебя, что ты не Иванъ Ивановичъ, ты ничто. Ты имѣешь жену, дѣтей и тещу и спрашиваешь нигилиста, кто эти, въ отвѣтъ получишь, это — ничто. Ты показываешь ему деньги, онъ и деньги называетъ ничтожествомъ. Тогда ты убѣдился, что нигилистъ—это сумасшедшій, мѣсто ему — въ домѣ умалишенныхъ, тебѣ жаль нигилиста, какъ всякаго больного человека.

Но анархистъ уже не нигилистъ. Это уже совсѣмъ иное. Архе — по-гречески приказъ или повелѣніе, анъ—это на томъ же языкѣ отрицаніе, соответствуетъ русскому «не» или «нѣтъ», значить анархистъ, это человекъ, который не желаетъ слушаться никакимъ приказамъ, повелѣніямъ или законамъ. Законы составляются и пишутся для того, чтобы добрые

граждане слушались имъ. Но анархисты имъ не слушаются.

Царскій манифестъ — это законъ. Кто этому закону не повинуется, того смѣло можно называть анархистомъ. По манифесту 17 октября мы всѣ пользуемся свободой слова, совѣсти и личности. Даже тебѣ мы должны дать по закону свободу слова, тѣмъ болѣе женѣ.

Также свободна должна быть печать. Но въ дѣйствительности арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы редакторовъ и издателей, даже 10,000 болѣе не освобождаютъ ихъ. Это совершаетъ наше правительство. Значить исполнители и блюстители нашихъ законовъ сами не повинуются законамъ, не признаютъ ихъ. Вотъ они-то и есть настоящіе анархисты. А правительство наше можно поэтому называть анархіею. Въ другихъ странахъ, какъ въ Германіи, во Франціи, даже въ Англіи анархисты строго преслѣдуются. А у насъ, что мы видимъ? Анархисты у насъ въ почетѣ и при власти. Они терроризуютъ всю великую Россію, за что получаютъ и награды и ордена и титула, между тѣмъ какъ приверженцы законности обитаютъ тюрьмы, ихъ вѣшаютъ и расстрѣливаютъ.

Вотъ до чего мы дошли. Далѣе идти уже некуда. Но исторія учитъ насъ тому, что ни одна страна, ни одно государство не существовало долго анархическимъ режимомъ. Римская имперія была сильна пока были сильны ея законы, пока исполненіе законовъ считалось первѣйшей обязанностью каждого гражданина. По мѣрѣ ослабленія законности пала и имперія, пока не распалась совсѣмъ. Неужели русскимъ анархистамъ удастся довести и Россійскую имперію къ тому же концу?!

Жаль было бы, вѣдь страна богата, но, но обильна анархистами. Фискаль боится за Россію.

ТЕЛЕГРАММЫ.

ПАРИЖЪ. Сладострастіе нашихъ друзей—республиканцевъ доходитъ до того, что всячески домогаются завладѣть полицейской властью надъ гаремами въ Марокко. Германія этому противится, не сочувствуетъ этому и представитель самого Марокко. Поэтому предвидится пріостановка конференцій въ Альжесирахъ.

БЕРЛИНЪ. Въ пользу разоренныхъ прибалтійскихъ бароновъ работаетъ вся Германія посредствомъ денежных сборовъ. Въ числѣ крупныхъ жертвователей числится и принцъ Курляндіи. А убытки латышей и эстовъ будутъ полностью покрыты самимъ русскимъ правительствомъ по представленіи дипломатической ноты Германіи.

ВѢНА. Если Австріи не удастся подружиться съ Венгріею, то подружиться съ Абессиніею ей въ полнѣ удалось, такъ какъ послѣдняя очастливлена ею подаркомъ въ видѣ полной горной батареи въ знакъ признательности Италіи, которая подобнымъ же подаркомъ отличила Черногорію. Помня свое дѣтство, мы мальчуганы поступали точь въ точь также, обмѣниваясь оружіемъ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Кн. Мещерскій приглашалъ на обѣдъ молодого гр. Витте и Дурново. Поданный супъ за обѣдомъ былъ пересоленъ. Тѣмъ не менѣе супъ былъ съѣденъ съ похвалой въ виду ожидаемыхъ тетерекъ, рябчиковъ и сладкаго. Приторность послѣднихъ блюдъ заставила приверженцевъ господъ собраться въ трактиръ „Тверь“ за Нарвской заставой, гдѣ были угощены перцемъ. Касторки не было нужно.—По телеграммѣ генералъ-адъютанта Пантелеева изъ Чернигова гласить, что волненіе крестьянъ въ губерніи утихло, убито 1, ранено 3. Нули при числахъ не подразумеваются. Воздухъ у насъ чудный, показываются уже весеннія революціонныя ласточки. Довольны и дворники и полиція, правительство торжествуетъ, тюрьмы хотя многолюдны, но мѣсто хватаетъ даже для диссертаций на ученые степени, оппонентами являются по положенію тюремные сторожа, а для большого торжества и пристава. Столичное населеніе благоденствуетъ, за исключеніемъ Оболенскаго, котораго встревожатъ послѣднія посланія гр. Л. Н. Толстого, недовольнаго ни правитель-

ствомъ, ни революціонерами.—Скадовскій, предводитель дворянства Херсонской губерніи, телеграммою вызываетъ войска на помощь весеннихъ полевыхъ работъ. Драгуны будутъ пахать, артиллеристы сѣять. Такъ какъ войска у насъ достаточно, то можно надѣяться, что стокса не будетъ. Другія губерніи не преминутъ слѣдовать примѣру Херсонской губерніи. Вотъ урожай будетъ славный, удобреніе полей будетъ основательное. Болѣе благороднаго и выдумать нельзя. Богъ на помощь!

ВЪ СОВѢТѢ.

(Сцена для любительскаго спектакля).

(Лѣвые сидятъ спиною къ правымъ. Вечеръ. Электрическое освѣщеніе. Двери закрыты наглухо. Приготовляются слушать докладъ Кутлера по аграрному вопросу).

Витте.

Чтобъ сора изъ избы на свѣтъ не выносить, Всѣ двери, господа, велѣлъ я затворить,

А чтобъ врагу и супостату Насъ не подслушать какъ нибудь Велѣлъ я въ скважины замочныя заткнуть Гигроскопическую вату.

Дурново.

Прекрасно сдѣлали.

Лѣвые.

Таинственность смѣшна И думается намъ, что даже не у мѣста Послѣ октябрьскаго, графъ Витте, манифеста. Витте (съ досадою). Ахъ, господа! Опять раздоръ! Ей-ей намъ ссориться некстати. Нельзя-жъ секретный разговоръ Знать представителямъ печати.

Дурново.

Да никому нельзя. Случайно Мы можемъ вдругъ подраться, господа...

Лѣвые (иронически).

Къ пріемамъ вашимъ „чрезвычайнымъ“ Мы не прибѣгнемъ никогда, На этотъ счетъ быть можете спокойны, Предоставляемъ вамъ вести съ народомъ войны Съ разстрѣлами и арестами всѣхъ.

Дурново.

Но въ усмиреніи вы видите успѣхъ?

Витте.

Позвольте, господа; оставимъ пререканья И къ соглашенію придемъ. Вѣдь мы народному собранію Отчетъ въ апрѣлѣ отдаемъ.

Лѣвые.

Въ рѣзнѣ кровавой, въ грозной сѣчи О соглашеніи не можетъ быть и рѣчи.

Витте.

Какъ, вамъ пріятнѣй длить вражду, Чѣмъ слиться въ дружескія узы? Я на уступки къ вамъ иду: Согласенъ разрѣшить союзы. Вы, Дурново, я думаю, не прочь Мнѣ въ этомъ нѣсколько помочь?

Витте.

Съ однимъ условіемъ: чтобъ говорящихъ рѣчи Хватать за шиворотъ, за плечи, И всѣхъ тащить въ участокъ или тюрьму.

Витте.

А мѣсто въ тюрьмахъ есть въ текущую зиму?

Акимовъ.

Позвольте, какъ? Безъ прокурора? Я не согласенъ. Этакъ скоро Юстицію совсѣмъ мы упразднимъ...

Лѣвые (другъ-другу въ полголоса).

Акимовъ молодецъ. Всегда онъ спорить съ нимъ.

Витте.

Опять экстазъ! Къ чему волненіе? Мы примиримъ два этихъ мнѣнья. И прокуроръ, и вашъ городской Пускай вдвоемъ чинять насилье и разбой.

Лѣвые.

Позвольте, гдѣ жъ тогда Оемида?

Витте.

Она останется для вида.

Дурново.

Я-бъ всѣ Оемиды упразднилъ.

Акимовъ (вскакивая).

Какъ и меня?!

Дурново.

Да, всѣ-бъ суды закрылъ Иль обратилъ-бы ихъ въ жандармскіе участки.

Лѣвые.

Они у насъ и такъ не лишены окраски

Партійности.

Витте.

Позвольте, господа. Оемиду выгналъ изъ суда

Давнымъ давно нашъ Муравьевъ пре-
мудрый
И стоитъ-ли о ней дебаты наши длить?..

Акимовъ (Дурново).
Задалъ-бы я вамъ пудры,
Когда-бъ вы вздумали поста меня ли-
шить!..

Витте.
Не ссорьтесь, стыдно, вы родня.

Акимовъ.
Зачѣмъ же моихъ правъ лишаетъ онъ
меня?

Витте.
Оставимъ наши пререканья
И будемъ слушать Кутлера докладъ.
Въ немъ мѣръ такихъ проведенъ
рядъ,
Къ какимъ едва-ль придетъ собранье.
(Кутлеръ читаетъ докладъ.
Всѣ разомъ вскакиваютъ
съ своихъ мѣстъ и хвата-
ются за головы).

Дурново.
Что слышу я!.. Во снѣ иль на яву?
Да я сейчасъ жандармовъ позову!..
(Поднимается шумъ. Витте
звонитъ. Кутлеръ сильно
смущенъ).

Акимовъ.
Ну и докладъ! Я какъ въ чаду.
Предать, предать его суду!..

Витте (съ трудомъ успокаиваетъ
собрание и говорить).
Мы праведнымъ трудомъ и службой
государству
Всѣ въ собственность свою кой-что
приобрѣли:
Кто виллу выстроилъ, кто подкупилъ
земли,
Любовь питая къ благостному царству
Священной собственности, да-съ...
А вы хотите вдругъ отнять ее у насъ?

Всѣ (съ крикомъ).
Не отдадимъ, не отдадимъ наживы,
Пока не мертвы мы, а живы!..
(Наступаютъ на Кутлера
съ непринужденными же-
стами).

Кутлеръ (блѣденъ, какъ смерть).
Остановитесь, господа,
Я въ легкомыслѣ моемъ каюсь
И отъ проэкта навсегда—
Даю вамъ клятву—отрекаюсь...
(Кланяется всѣмъ въ поясъ).

Дурново.
Не кулаки здѣсь нужны,—мечъ!..
Я требую проэктъ немедленно же
сжечь!..
(Въ двери слышится стукъ).

Витте.
Какой тамъ дьяволъ въ дверь сту-
чится?
Не репортеръ-ли изъ „Молвы“?
(Голосъ Дубасова задверью).
Позвольте къ вамъ на мигъ явиться...

Всѣ (радостно).
Ба! То Дубасовъ изъ Москвы!..
Дубасовъ (на мотивъ изъ „Жизни
за Царя“).

Оттвори—ите!..
Витте.
Дубасовъ? Адмиралъ? Войдите!
(Дубасовъ показывается на
порогѣ).

Дурново (поетъ).
Вотъ онъ—доблестный воитель,
Нашъ великій адмиралъ,
Нашъ Московскій покоритель,
Всѣхъ сатраповъ идеаль!..
Пойте жъ, пойте ему пѣсни
За разстрѣлы его въ Прѣсни!..

(Бросается Дубасову на
грудь. Обнимаются).

Витте.
Я радъ, что вы явились къ намъ въ
совѣтъ.
Скажите,—съ пушками иль нѣтъ?

Дубасовъ.
Любезные мои друзья,
На Кировной остановился я
И на военномъ положеньѣ
Ужъ объявилъ ее...
Дурново (восторженно).
Рѣшенъ
Достойное великаго ума!..

Витте.
Не кажется-ли вамъ, что вы сошли
съ ума?
И нужно-ли въ Москву вамъ возвра-
щаться?

Дубасовъ.
Я въ Петербургъ радъ остаться,
Но лишь съ однимъ условіемъ радъ:
Чтобъ дали мнѣ повышенный складъ.
Дурново и Акимовъ (хоромъ).
Окладъ повышенный, окладъ,
Дубасовъ для Россіи кладъ!..

(Берутъ Дубасова подъ руки
и, маршируя, поютъ).
Мы побѣдили, мы побѣдили
Въ союзѣ съ нимъ!..
Мы полъ-Россіи въ гробъ уложили
За нашъ режимъ!..
На пиръ кровавый вели солдатъ,
На страшный пиръ!..
Побольше тюремъ, да казематовъ,

Мечей, сѣкиръ!..
Дубасовъ (отвѣчаетъ имъ въ тонъ).
Стрѣлялъ, ребята, я какъ въ куку-
шекъ,
Нагналъ грозу!..
Побольше ядеръ, побольше пушекъ,—
Все разнесу!..
(Всѣ министры громко ап-
лодируютъ).

Глазъ.

ИТОГИ РЕВОЛЮЦІИ.

(Поэма)

I.

Прологъ.

Ужасный годъ! Кровавый годъ!
Повсюду вопли и стенанья;
Въ цѣпяхъ измученный народъ;
Удѣлъ его—одни страданья.

Сгустилась тьма; царидъ разладъ
И произвола гнетъ ужасный,
Вражды очагъ, кромѣшный адъ;
Звучитъ безудержно „смѣхъ красный“.

Смѣнялся быстрой чередой
Событій циклъ, благихъ желаній,—
Но гнусной, рабскою пятой
Попрали пылъ всѣхъ упований.

Проклятый годъ! Кошмарный годъ!
Залитый кровью и слезами;
Призывный кличъ: „впередъ народъ!“
Оплеванъ подлыми врагами.

II.

Прелюдія весны.

Весны привѣтливой дыханье,
Свободы дивный ароматъ,
Надежды, радость, упованье
Повсюду временно царятъ.

Прельщенные чарами „весны“
И вѣря лозунгу „довѣрье“,
Надеждъ несбыточныхъ полны—
Встрѣчаемъ мы лишь лицемѣрье.

III.

9 Января.

Былъ зимній день, былъ ясный день,
И вся природа ликовала,
Легка, измѣнчива, какъ тѣнь,
Въ нарядѣ дѣвственномъ сіяла.

И съ вѣрой чистою въ сердцахъ,
Съ надеждой твердою во взорѣ
Спѣшитъ народъ; но во дворцахъ
Готовятъ казнь всей этой створѣ.

Рабочихъ, ихъ дѣтей и женъ
Встрѣчаютъ залпами картечи,—
Смятенъ, смерти страхъ и стонъ
Смѣнили дружескія рѣчи.

И бѣлый снѣгъ, и чистый снѣгъ
Невинной кровью обгагрился.

„Возсталъ на брата человѣкъ!“—
Миръ съ содраганьемъ возмутился

Малютка съ матерью убиты,
Старикъ въ агоніи лежитъ,
А дальше съ головой пробитой
Рабочій сномъ могильнымъ спитъ.

Съ тѣхъ поръ звучать пальбы раскаты,
Съ тѣхъ поръ идетъ кровавый пиръ,
И кровожадные пираты
Штыками водворяютъ миръ.

IV.

О войнѣ.

Кровавый дикой авантюръ
Мы въ жертву братьевъ принесли,
Въ Безумномъ вихрѣ страшной бури
Они въ дали отъ насъ легли.

Военныхъ подвиги лихіе
Въ поляхъ Манджуріи и въ Россіи,
Опредѣлили ихъ стихію:
Разгуль пальбы на всю Россію.

Въ поляхъ Манджуріи далекой
Лилась невинной жертвы кровь:
Забыты людьми завѣтъ высокій;
Миръ, братство, счастье и любовь,

Герой Артура, съ дутой славой
И съ рѣчью смѣлой и лихой,
Считалъ войну одной забавой.
Но вышелъ онъ стратегъ плохой.

Досталъ онъ денегъ кушъ изрядный,
За раны также получилъ,
Одѣлъ мундиръ потомъ парадный
И въ домъ собственномъ почилъ.

Въ далекихъ водахъ океана
Погибъ гнилой громадный флотъ;
Тяжелой болью эта рана
Отозвалась на нашъ народъ.

V.

О погромахъ.

Еврей приниженъ, бѣденъ, худъ,
Изнеможенъ въ глазахъ съ мольбою,
Со страхомъ ждетъ: „вотъ страшный
судъ
Смететъ его со всей семьей“.

Погромъ безудержной волной
Въ „чертѣ“ проклятой пронесется,
Больной рыдающей струной
Онъ въ чуткомъ сердцѣ отзовется.

Разгуль страстей, вражды тупой
Сметаешь пышный жизни цвѣтъ;
И въ храмъ истины святой
Ужъ меркнетъ лучезарный свѣтъ.

Исчезли смѣлые порывы,
„Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ
стоитъ“—

Замолкли мощные призывы,
Пророкъ предательски убить.

VI.

„Потемкинъ“.

Въ борьбѣ неравной умирая,
„Потемкинъ“ долгъ исполнилъ свой,
По каплѣ кровью истекая,
Сошелъ со сцены, какъ герой.

VII.

Дума.

Вотъ Дума,—средство исцѣленья,
Дана народу наконецъ,
Но полнъ онъ еще стремленья,
Терновый все на немъ вѣнецъ.

VIII.

Митинги.

И митингъ полнъ живленья,
Звучитъ рѣчь смѣлая на немъ;
Здѣсь разрѣшаются сомнѣнья,
Здѣсь зажигаютъ взоръ огнемъ.

Огнемъ отваги блещутъ взоры,
Огонь вражды кипитъ въ крови,—
Прочь распри, мелкіе раздоры—
Наступитъ празднество любви.

Мы разобьемъ тирановъ цѣпи,
Мы своеволие упразднимъ,
Мы свѣтъ откроемъ тѣмъ, кто слѣпы,
Несчастныхъ всѣхъ соединимъ.

IX.

До манифеста.

Кругомъ и тифъ, и голодъ, моръ,
Цынга, и смерть, и мракъ, и горе,
Неурожай, война, раздоръ
Гуляютъ всюду на просторъ.

Акулы хищныя гурьбой
Россію годы истощали,
И безпощадною пальбой
Святое чувство бунта гнали.

„Земля и Воля“—лозунгъ смѣлый,
Звучитъ, какъ вѣчевой набатъ;
Онъ бодритъ духъ, влечетъ на дѣло:
„Вставай изнеможенный братъ“...

... Затихло... Жизнь сразу стала.
Дороги, почта, телеграфъ
Работать дружно перестала...
Помогъ услужливый намъ графъ.

X.

17 Октября.

Записку живо графъ составилъ,
„Свободы“ нектаръ предложилъ,—
И манифестомъ Русь прославилъ.
На мигъ забвеньемъ подарилъ.

Знаменъ вотъ красныхъ цѣлый рядъ,
И слышно марсельезы пѣнье,—
То революціи парадъ,
То гимнъ свободѣ и терпѣнью.

Мы ждали долго, ждали съ вѣрой
Свобода чудная придетъ,

И, вмѣсто жизни тусклой, сѣрой,
Гирляндой розъ насъ обовьетъ.

Слагали гимны ей святыя;
Плѣняли дивною мечтой;
Носились грезы золотыя
Надъ ея невинной красотой.

Но смолкли звуки пѣснопѣнья,
Восторговъ пылъ исчезъ, какъ сонъ;
Надеждъ безумныхъ наслажденье
Смѣнилъ протяжный, жгучій стонъ.

XI.

Послѣ 17 Октября.

Наемной черной сотни рать,
Въ своемъ преступномъ помраченьи,
Порывъ высокой мысли гнать
Дерзнула въ дикомъ изступленьи.

Кличъ грозный „не жалѣть патроновъ“
Суровый временщикъ пустилъ—
Потоками крови и стонровъ
Россію бѣдную залилъ.

Упившись кровію народной,
Онъ сталъ дворцовый комендантъ,—
Вѣдь надъ Россіею свободной
Глумился грозный адъютантъ.

XII.

Министры.

Министровъ рядъ, едва у власти,
Спѣшитъ портфель свой передать;
Какъ мимолетно все ихъ счастье,—
Удѣлъ народа—все страдать.

Премьеръ—льстецъ лживый и ковар-
ный,
Всегда и милъ, и добръ, и простъ,
Политикъ, финансистъ вульгарный,
Со всѣми пьетъ заздравный тостъ.

Другой гешефтовъ воротила,
Внутри—политики глава,
Умомъ—померкшее свѣтило,—
Онъ любитъ штыкъ, а не слова.

Преемникъ Плеве онъ ретивый,
Его политики оплотъ.
Характеръ злой въ немъ и строптивый...
Въ тискахъ измученный народъ.

XIII.

Калейдоскопъ событий.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ
Вдохнулъ въ насъ бодрую струю,—
Но рать продажныхъ оупостатовъ
Побѣду празднуетъ въ бою.

На мощный, честный звукъ призыва
Свободу стали защищать,
И съ героизмомъ смѣлымъ, дивнымъ
Нападки дерзкихъ отражать.

А „русскихъ истинныхъ людей“
И патриотовъ всѣ затѣи—
Забавы глупыя дѣтей,
Желанье славы и трофеи.

Но вдругъ изъ грязнаго подполья
Орда наемная встаетъ,
На пиръ кровавый своеволя
Походкой дерзкою идетъ.

Погибли свѣтлыя мечтанья,
Погасъ огонь; повсюду мракъ,
Не сбылась сладость упованья,
Пыль вдохновенія изсякъ.

XIV.

На окраинахъ.

Кавказъ, подъ гнетомъ изнывая,
Возсталъ и ринулся въ борьбу.
Сатраповъ дикихъ волчая стая
Открыла страшную пальбу.

Литва въ порывѣ смѣломъ къ свѣту,
Къ свободѣ, равенству, любви,
Въ стремленіи къ братскому завѣту,
Изнемогаетъ вся въ крови.

На Польшу, въ дикомъ упоеніи,
Въ желаніи страстномъ истребить,
Открыли подлое гоненье
Съ одною мыслью „не щадить“.

Народъ финляндскій возмущенный
Политикой послѣднихъ лѣтъ,
Свободой дивной вдохновленный
Возсталъ, уничтожая гнѣтъ.

И каждый день потокъ кровавый
Волной безудержной бурлитъ,
Неувядаемой онъ славой
Войска лихія вѣдь даритъ.

XV.

Реакція надвигается.

Бунтъ севастопольскихъ матросовъ,
Кронштадтцевъ подвигъ боевой,—
У камарильи рядъ вопросовъ,
Негодованья вызвалъ вой.

И вотъ серебрянникъ Іуды
Солдату сунули: „молчи!“
Грозятъ пальбой за пересуды,—
Такъ дерзновенны палачи.

XVI.

Начало репрессій.

Деревни паникой объаты,
Крестьянъ безчеловѣчно бьютъ;
Войска попрали все, что свято,
На свой алтарь они плюютъ.

И стонетъ нашъ мужикъ несчастный.
Тьма непроглядная царитъ.
И свѣтлый день, прекрасный, ясный,
Его улыбкой не даритъ.

Полиціи, ищейкѣ стая
Чинить расправу безъ суда.
Лихія взятки собирая,
Не видятъ въ томъ себѣ вреда.

XVII.

Московскія событія.

Лихой, суровый адмиралъ
Мітежѣ московскій полавляетъ,

А сухопутный генералъ
Флоты умирятъ.

Дубасовъ съ Миномъ—два героя,—
Имъ помогаетъ самъ Фроловъ;
Беретъ позиціи безъ боя
Лифляндскій генералъ Орловъ.

Онъ мирныхъ жителей дома
Съ отраднымъ сердцемъ сожигаетъ;
За каждый шагъ грозитъ тюрьма,
Иль призракъ висѣлицъ пугаетъ.

Москва горитъ, и вся въ крови,
И жертвъ невинныхъ видны трупы.
Завѣтъ христіанскій о любви
Чуждъ кровопійцамъ, кои тупы.

XVIII.

Апогей репрессій.

Царитъ повсюду пиръ кровавый,
Разстрѣлы, ссылка и тюрьма—
Безчеловѣчныя расправы,
Гнетъ силы грубой, смерть и тьма.

Свиститъ казаковъ буйныхъ плетъ,
Грозятъ штыки и пулеметы,
Усиленной охраны сѣтъ
И славныя семеновскія роты.

Телеграфистъ Ермолаичъ.

(Разсказъ).

Въ садъ вошелъ пожилой и худо-
щавый мужчина—торговецъ—въ под-
девкѣ и высокихъ сапогахъ и сѣлъ
рядомъ съ Ермолаичемъ.

— Ну, и жаріща! — проговорилъ
онъ, снявши картузъ и обмахивая имъ
потное лицо.

— Да, жаритъ, — подтвердилъ Ер-
молаичъ.

— Наши ребята сказывали, восемь-
десять градусовъ вчера было, — ска-
залъ торговецъ.

— При такой жарѣ и сто будетъ, —
замѣтилъ Ермолаичъ—не то что во-
семьдесятъ.

— Тутъ-то вотъ благодать! — ска-
залъ торговецъ.—Прохладно.

— Да,—подтвердилъ Ермолаичъ и
потомъ, оживившись, прибавилъ:

— Теперь въ лѣсу хорошо. Вотъ
гдѣ благодать-то!

— Въ лѣсу-то что говорить,—ра-
достно сказалъ торговецъ.—Въ лѣсу
теперь, можно сказать, рай. Въ нашихъ
вотъ мѣстахъ лѣса хорошіе! Идешь
такъ въ самую жару, а въ лѣсу про-
хладно, птички поютъ. Хорошо!... А то
ляжешь и лежишь! И никуда тебѣ
итти не хочется. Наверхъ смотришь—
неба не видать, только чуть-чуть бѣ-
лѣетъ, а тамъ, глядь, солнышко по-
смотрѣло сквозь вѣтви и опять его
нѣтъ.

— Да, — задумчиво сказалъ Ермо-

лаичъ, слушая торговца.—У насъ тоже
лѣса знаменитые.

— А вы откуда сами? — спросилъ
торговецъ.

— Я орловскій, — отвѣтилъ Ермо-
лаичъ.—А вы?

— А мы костромскіе, — сказалъ тор-
говецъ.—У насъ лѣса, прямо ужъ и
не знаю, какъ сказать про нихъ. Гри-
бовъ въ нихъ лѣтомъ! Тысячами со-
бираютъ.

— А у насъ-то грибовъ! — оживился
Ермолаичъ.—Ты его и не ищи: онъ
самъ себя кажетъ. Идешь, а подъ но-
гами грибовъ!

— Да! — мечтательно говорилъ тор-
говецъ.—Въ лѣсу теперь, что и гово-
рить! Развѣ въ городѣ такую благо-
дать встрѣтишь? Вы смотрите, что на
улицахъ-то дѣлается: пыль, жаріща!
И развѣ можетъ человѣкъ жить въ
такомъ состояніи? Тутъ вѣдь задо-
хнуться можно!

— Это вы правду говорите, — ска-
зала пожилая и толстая нянька, ко-
торая только что вошла въ садъ вмѣ-
стѣ съ мальчикомъ и сѣла рядомъ съ
торговцемъ.—Прямо дышать нельзя!
Воздуху-то точно и нѣтъ совсѣмъ!
Точно его солнце-то выжгло!

— Оно все выжжетъ, — сказалъ Ер-
молаичъ.—А ты вотъ тутъ и майся,
ходи весь день, да телеграммы носи.

— Да! — сочувственно протянула
нянька.—Гдѣ-бы старому человѣку
полежать, да отдохнуть!

— Что-же дѣлать? — замѣтилъ тор-
говецъ.—Такое ужъ положеніе!

— Нянька кивнула сочувственно го-
ловой, потомъ протяжно и звучно зѣв-
нула, и торопливо перекрестила ротъ.
А Ермолаичъ надѣлъ сердитымъ дви-
женіемъ картузъ, потомъ опять снялъ
его, одернулъ блузу и сказалъ:

— Другой думаетъ: „Что телеграм-
мы носить! Развѣ это трудно“? А ты
вотъ попробуй!

— Всякое дѣло трудно, когда самъ
его дѣлаешь, — замѣтилъ торговецъ.

— Телеграмма, это вѣдь не такъ
что-нибудь, — продолжалъ Ермолаичъ, —
не бумажка простая. У меня вотъ сей-
часъ есть телеграмма полковницѣ Ко-
лошиной.

— Это той самой, у которой мужъ
полковникъ былъ? — спросила нянька.

— Ну, да! — сказалъ Ермолаичъ.—
Вотъ я и думаю: какая это такая ей
телеграмма? У нея вонъ сынъ на войнѣ.
И вдругъ, напимѣръ, сообщаетъ:
„Вашъ дескать, сынъ раненъ или
убитъ“. Ну, какъ такую телеграмму
понесешь?!

— Да, это ужъ, конечно — подтвер-
дилъ торговецъ.—Пріятнаго мало.

— Вѣдь она, полковница-то, видѣли
какая? — сказалъ Ермолаичъ.—Малень-
кая, худенькая—въ чемъ только душа

держится! И вдруг ей такую телеграмму! Вѣдь другая телеграмма знает—убить можетъ человѣка!

— Это вотъ вы, батюшка вѣрно сказали—замѣтила нянька.—Въ позапрошломъ году въ нашей деревнѣ тоже вотъ такъ—получила барыня телеграмму и сейчасъ же бултыхъ на полъ, и духъ вонъ! Вотъ она что, телеграмма-то. дѣлаетъ! Отъ нея одно только несчастье бываетъ!

— Вотъ то-то оно и есть!—сказалъ Ермолаичъ.—А говорятъ: „что телеграмма“. Телеграмму тоже понимать надо! Телеграмма это не то, что письмо, напимѣрь, Въ письмѣ всегда пишутъ аккуратно. Ну, тамъ насчетъ родительскаго благословленія. „Посылаемъ дескать, вамъ наше родительское благословленіе, навѣки нерушимое“ и все такое прсчее.

— Все, какъ полагается!—сказала нянька.

— Ну, да!—подтвердилъ Ермолаичъ.—Потомъ, значить, насчетъ поклоновъ. „Кланяемся, дескать, любезной сестрицѣ нашей, или тетускѣ тамъ. Еще кланяемся куму“. Все ужъ по порядку. И только ужъ послѣ всего этого, смотришь, пишетъ какую-нибудь неприятность: то тамъ лошадь пала, то братъ умеръ, то домъ сгорѣлъ, или денегъ просить. Ну, а въ телеграммѣ насчетъ благословленія тамъ, или насчетъ поклоновъ писать запрещается.

— Запрещается?!—удивилась нянька.

— Да какъ же не запрещается? За каждое вѣдь слово въ телеграммѣ такъ плотится.

— За каждое слово?!—удивленно спросила нянька.

— Да ужъ это всегда такъ,—сказалъ торговецъ.—Такъ ужъ полагается.

— Конечно,—подтвердилъ Ермолаичъ.—Разъ положено, такъ ужъ плати. Ну, тутъ, конечно, насчетъ поклоновъ и всего прочаго писать не будешь, Вотъ и пишутъ прямо: „Умеръ, дескать“, или „убить“, или еще какую неприятность. Ну, понятно, если вотъ такъ, безъ всякихъ поклоновъ, безъ благословленія и безъ другихъ словъ получить кто, и страшно бываетъ. Особенно ночью. И нести-то ее страшно. Иной разъ несешь, и самъ боишься.

— И ночью носите?—удивилась нянька.

— Телеграмма завсегда почти ночью приходитъ,—сказалъ торговецъ.—Я ужъ знаю.

— Ночью часто бываетъ,—подтвердилъ Ермолаичъ. Несешь вотъ такъ, и боишься. Кто ее знаетъ, что въ ней написано? Бываетъ такая телеграмма, что лучше ее и не относить совсѣмъ.

— Ну, а нельзя, значить, такъ—не носить-то ее?—спросила нянька.

— Какъ-же можно?!—сказалъ Ермолаичъ.—Росписка вѣдь. Какъ телеграмма, такъ и росписка.

— Получилъ, молъ—объяснилъ торговецъ.

— Ну, да!—сказалъ Ермолаичъ.—И опять же принесешь такъ телеграмму, смотришь дають за труды, ну гривенникъ тамъ или пятіалтынный. Ну, а не понесешь, конечно, ничего не получишь. А зачѣмъ-же мнѣ своего счастья лишаться?

— Знамо дѣло—подтвердила нянька. Ермолаичъ помолчалъ немного и потомъ, вспомнивши опять полковницу и Осипова и точно отвѣчая на свои мысли, сказалъ:

— Вотъ полковница, все ужъ гривенникъ дастъ. Развѣ только такая штука случится: прочтаетъ, и хлопъ на полъ. Ну, ужъ тутъ, конечно, ничего не получишь.

— Тутъ ужъ не до гривенника,—замѣтилъ торговецъ.

— Еще расписаться-то успѣешь-ли. Росписку то мнѣ тоже нужно вѣдь представить,—сказалъ Ермолаичъ. | Ну, Осиповъ, инженеръ, хоть скупой до денегъ, а все-же гривенникъ, иль хоть пятакъ бросить. А вотъ еще у меня есть телеграмма,—это уже не знай какъ! здѣсь, кажется, ничего не получишь. Какому-то... Какъ его? Забылъ!—сказалъ Ермолаичъ и, вынувши потомъ изъ сумки телеграмму, прочиталъ:

— Собачій переулокъ, домъ Агапиной, Кривоольшину.

— Кривоольшину?!—оживленно спросила нянька.—Въ Собачьемъ переулкѣ?

— Да!—отвѣтилъ Ермолаичъ.—А что?

— Знаю я, батюшка, этого Кривоольшина.

— Знаетъ?—оживился и Ермолаичъ.

— Да какъ-же не знать, когда у меня въ этомъ самомъ Собачьемъ переулкѣ племянница замужемъ, за булочникомъ? Кривоольшинъ—повѣрила нянька.—Ну конечно, есть такой. Сапожникъ онъ.

— Сапожникъ?—недовольно спросилъ Ермолаичъ.

— Да, да сапожникъ,—отвѣтила нянька.—Есть такой. Это ужъ я знаю.

— Ну, вотъ,—недовольно протянулъ Ермолаичъ.—Сапожникъ! Ну, какая, можетъ быть, сапожнику телеграмма? И на что она ему? Что онъ въ ней можетъ понять?

— Да еще сапожникъ-то какой!—сказала нянька.—Пьяница! То-есть такихъ пьяницъ я и не видывала!

— Настоящій, значить, сапожникъ!—засмѣялся торговецъ.

— Да какой-же это, батюшка настоящій сапожникъ?!—недовольно проговорила нянька.—Ему вонъ племянница дала башмаки починить, а онъ говоритъ: „Не желаю я чинить“! Да развѣ настоящій сапожникъ это скажетъ?

— Забудыга, значить!—сказалъ Ермолаичъ.

— Настоящій, батюшка, забудыга,—подтвердила нянька.—Это вы вѣрно сказали.

— Ну, вотъ,—протянулъ Ермолаичъ.—А то ему телеграмму неси. Ужъ я зналъ:—„Собачій переулокъ, это ужъ добра мало. Это ужъ, значить, одна неприятность выйдетъ“.

И Ермолаичъ махнулъ сердито рукой и, откинувшись на спинку скамейки, сидѣлъ теперь молча и не слушая няньки, которая продолжала рассказывать о сапожникѣ Кривоольшинѣ и о своей племянницѣ и объ ея мужѣ.

Солнце поднималось все выше и, заглядывая сквозь вѣтви деревьевъ въ садъ, ложилось на землю и на траву длинными и узкими золотистыми лентами. И чувствуя, какъ обжигаетъ оно лицо и голову своимъ ѣдкимъ прикосновеніемъ, Ермолаичъ думалъ о томъ, какъ нестерпимо жарко теперь на улицѣ и какъ охватить все его тѣло сплошнымъ и липкимъ кольцомъ горячая масса раскаленного солнцемъ воздуха, лишь только выйдетъ онъ за ворота сада. А вмѣстѣ съ этой мыслью вставала въ сознаниі другая—навязчивая и упрямая мысль, что нужно все-таки уйти изъ сада, выйти на обожженную солнцемъ улицу и разнести телеграммы.

И отъ этого еще упорнѣе и навязчивѣе сдѣлалась мысль Ермолаича о томъ, что и ему нужно идти, и онъ собрался уже встать, какъ услышалъ вдругъ рѣзкій и нетерпѣливый окрикъ:

— Телеграфистъ!

Ермолаичъ вздрогнулъ, и быстрымъ движеніемъ надѣлъ картузь.

Ермолаичъ взглянулъ въ ту сторону, куда указала нянька, и гдѣ блеснулъ вдругъ захваченный солнечнымъ лучомъ рядъ свѣтлыхъ пуговицъ и сейчасъ же увидѣлъ толстую осанистую фигуру инженера Осипова, который шелъ быстрыми шагами прямо къ нему.

Ермолаичъ опять вздрогнулъ и только-что успѣлъ встать и вытянуться, какъ Осиповъ былъ уже около него.

— Есть мнѣ телеграмма?—быстро и нетерпѣливо спросилъ Осиповъ.

— Точно такъ, есть;—виновато отвѣтилъ Ермолаичъ и торопливо полѣзъ за телеграммой въ сумку.

— Что же это такое!! раздраженно

Витте (кричит). Ай!.. За корону вцѣпилась, проклятая!
 Конституція (рѣшительно). Пусти! Все равно не свалишь!
 Дурново (поглядывая на часы). Скорѣе, скорѣе, графъ; время уходитъ; того гляди насъ тобою освищать.

Александровскій (мечтательно).
 Достигнуть службой крупныхъ мѣстъ
 Дороги двѣ для карьериста:
 Попасть насильемъ въ „Красный Крестъ“
 Или застрѣлить социалиста.

Мажей (почтительно).
 Мы знаемъ третій, сударь, путь.
 Онъ былъ въ ходу до манифеста:
 Особу знатную дѣлать
 Въ ея сѣдательное мѣсто.

и рѣзко воскликнулъ Осиповъ. Есть телеграмма, а ты сидишь тутъ!

— Отдохнуть маленько сѣлъ. Виновать, ваше превосходительство!— робкимъ и прерывающимся голосомъ проговорилъ Ермолаичъ и подалъ Осипову телеграмму. И сейчасъ же онъ вспомнилъ, какъ три года тому назадъ онъ стоялъ такъ же вытянувшись передъ начальникомъ округа, прѣхавшимъ на ревизію и какъ тотъ ругалъ его за грязную блузу, а онъ не могъ ничего отвѣтить ему и только робкимъ и дрожащимъ голосомъ повторялъ:

— Ва-ше пре-во-ско-ди-тель-ство! Ва-ше пре во-ско-ди-тель-ство!

— Ну, вотъ—сердито воскликнулъ Осиповъ, быстро прочитавши телеграмму. Важная телеграмма. Я жду ее, а ты тутъ изволишь разсиживаться.

— Ваше превосходительство... — робко проговорилъ Ермолаичъ.

— Да что ты лѣзешь ко мнѣ съ „вашимъ превосходительствомъ“!!! — раздраженно вскричалъ Осиповъ. Я тебѣ не „ваше превосходительство“! Я буду жаловаться на тебя начальнику, скажу, чтобы тебя выгнали. Это безобразіе! Это чортъ знаетъ, что такое!

И Осиповъ сунулъ сердитымъ движеніемъ въ карманъ смятую телеграмму и быстрыми шагами пошелъ отъ Ермолаича по аллеѣ къ воротамъ сада.

— Ваше превосходительство, — робко сказалъ Ермолаичъ, догоняя Осипова. А какъ же насчетъ росписочки?

— Росписку я въ контору представляю,—сердито закричалъ Осиповъ, не оборачиваясь. Пусть тебѣ покажутъ!

— Ваше превосходительство, да какъ же такъ!! — плаксивымъ голосомъ говорилъ Ермолаичъ, стараясь догнать Осипова. Здѣсь росписочка-то къ каждой телеграммѣ полагается. Вѣдь безъ росписочки-то нельзя!

— Отстань, — сердито крикнулъ вдругъ Осиповъ, быстро обернувшись къ Ермолаичу, и сейчасъ же вышелъ изъ воротъ, сѣлъ на извозничью пролетку и уѣхалъ.

Ермолаичъ остановился, — растерянный и взволнованный. Онъ не могъ понять, какъ это случилось все и думалъ только о той роспискѣ, которую онъ долженъ былъ получить отъ Осипова и доставить въ контору.

— Ну, какъ же это можно безъ росписки? — сказалъ онъ, когда къ нему подошли торговецъ и нянька — тоже смущенные и взволнованные.

— Росписку, конечно, нужно, —

сказалъ торговецъ.—Такъ ужъ полагается.

— Ну, и баринъ! — возмущенно проговорила нянька.—А тоже еще свѣтлыя пуговицы носить! Нашъ баринъ точь-точь такой. Все кричитъ, все оретъ! А что кричить? Что оретъ? Самъ не знаетъ!

Ермолаичъ снялъ картузъ, вытеръ потную голову платкомъ, потомъ вздохнулъ тяжело и протяжно и сказалъ:

— Вотъ оно телеграмма-то что дѣлаетъ:

— Я ужъ, батюшка, говорила, — подтвердила нянька, — отъ телеграммы всегда одна только неприємность бываетъ.

— Да,—протянулъ Ермолаичъ.—Нужно все-таки итти. Пойду теперь къ полковницѣ.

— Ужъ идите, батюшка. Что же дѣлать?—сочувственно сказала нянька.

Ермолаичъ вышелъ изъ сада вмѣстѣ съ торговцемъ. Торговецъ пошелъ налѣво, а Ермолаичъ—направо!

— Счастливаго пути! — сказалъ ему торговецъ.

— До свиданья, — угрюмо отвѣтилъ Ермолаичъ и сейчасъ же увидѣлъ передъ собою улицу, по которой онъ пришелъ сегодня въ садъ, и которая казалась теперь еще длиннѣе и круче. Она поднималась противоположнымъ своимъ концомъ прямо къ нему и Ермолаичъ не видѣлъ теперь передъ собой ничего, кромѣ этой сѣрой и горѣвшей на солнцѣ мостовой—такой длинной, крутой и труднопроходимой, точно это была вся жизнь его.

И Ермолаичъ вспомнилъ сейчасъ всю свою жизнь, и она встала въ его сознаніи, какъ огромный и тяжелый камень, который лежитъ на дорогѣ и мѣшаетъ идти.

Ермолаичъ поднимался по тротуару медленными и тяжелыми шагами, часто останавливаясь и порывисто хватаясь рукой за грудь, гдѣ билось сильно и стремительно его сердце. А когда онъ проходилъ мимо телеграфной конторы, онъ увидѣлъ у подъѣзда извозничью пролетку, и ему пришла мысль, что это прѣхалъ инженеръ Осиповъ жаловаться на него начальнику.

И сейчасъ же въ сердцѣ Ермолаича встало упорное и стремительное желаніе войти въ контору и сказать и начальнику и Осипову, и всѣмъ въ конторѣ, что онъ усталъ, давно уже усталъ ходить всю жизнь по городу и носить эти скучныя и неприємныя телеграммы и что все его тѣло проситъ тихаго и успокаивающаго отдыха и болитъ душа его отъ

сознанія скучной и одинокой старости.

Но вслѣдъ за этимъ поднялась въ сознаніи Ермолаича привычная мысль, о томъ, что нужно все-таки разнести телеграммы, которыя были у него, и онъ вспомнилъ опять полковницу и пьяницу-сапожника Кривошнына и пошелъ дальше по тротуару все въ гору, все въ гору, какъ злой и неумолимый рокъ, стоящую упорно передъ его глазами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Анекдоты изъ жизни Христіана IX.

До смерти своей горячо-любимой супруги король Христіанъ не былъ знакомъ съ немощами и болѣзнями старости и совершалъ ежедневно большія прогулки. Ему часто встрѣчался въ опредѣленные часы скромный старичекъ, съ которымъ король съ свойственной ему добродушной простотой какъ то разговаривался. — Ну какъ вы поживаете?—спросилъ онъ его.—Благодарю васъ, ваше величество,—какая уже жизнь въ мои годы, — перебиваясь съ грѣхомъ пополамъ. — Не стыдно-ли вамъ жаловаться на судьбу? Какіе-такіе ваши годы? Я на 15 лѣтъ старше васъ и не чувствую никакой слабости, — я только что совершилъ прогулку въ Кламненборгъ въ десяти верстахъ отъ Копенгагена. Но послѣ 1898 г., когда послѣдовала смерть королевы, здоровье стало слабѣть и король нерѣдко сталъ прибѣгать къ помощи лейбмедика, профессора Штудегарда. Однажды утромъ король вздумалъ самъ зайти къ нему за совѣтомъ. Онъ поднимается по лѣстницѣ, звонить, ему открываетъ дверь простая деревенская дѣвушка, очевидно только что прибывшая въ столицу Даніи.— Профессоръ дома? — спрашиваетъ король.—Да, но не для васъ, — въ эти часы онъ никакого не принимаетъ.—Но, можетъ быть, онъ сдѣлаетъ для меня исключеніе, если вы ему скажете, что я король?—Вы—король—недовѣрчиво протянула деревенская красавица,—вы хотите меня поднять на смѣхъ,—развѣ король будетъ самъ подниматься къ доктору въ третій этажъ,—и съ этими словами она захлопнула дверь передъ самымъ носомъ короля. На слѣдующій день профессоръ явился на пріемъ во дворецъ и былъ нѣсколько изумленъ, когда король подалъ ему свою фотографическую карточку со словами:— Передайте это мое изображеніе вашей прислугѣ, а то она меня и въ слѣдующій разъ къ вамъ не впуститъ— эти же 20 кронъ я шлю ей за усердное исполненіе вашихъ приказаній.—

Добрый король Христіанъ былъ отзывчивъ къ чуждому ему горю и при своей щедрости нерѣдко оставался безъ гроша въ карманѣ. Однажды на прогулкѣ съ генераломъ Молѣтке онъ обратился къ тому со словами: — Одолжите мнѣ нѣсколько пфенниговъ для тѣхъ двухъ оборванныхъ ребятишекъ. — Къ сожалѣнію, ваше величество, и я безъ копѣйки вышелъ изъ дому, — спокойно возразилъ тотъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда касса короля была безнадежно пуста, онъ прибѣгалъ къ помощи сына кронпринца. — Одолжи мнѣ на время маленькую сумму, — говаривалъ не безъ нѣкотораго смущенія Христіанъ IX, — я отдалъ все, что было со мной какой то ветхой безногой старухѣ!

Король Христіанъ былъ просвѣщеннымъ, гуманнымъ монархомъ культурнаго запада.

Сглазила!

Два офицера вошли въ уборную фехтовальнаго клуба, въ которой уже нѣсколько участниковъ предстоящаго состязанія мѣняли костюмъ и осматривали свои клинки. Вновь пришедшіе, молча, раскланялись и стали быстро переодѣваться: — время было дорого.

— Нѣтъ, дружище, — продолжалъ одинъ изъ нихъ начатый на улицѣ разговоръ, тщательно натирая подошвы сапогъ колофоніумомъ, — я держу пари за итальянца, за Маринальди! Великолѣпный малый! Видаль ли ты когда-либо такую быстроту и точность движеній, — къ тому же какой вѣрный глазъ! Я всегда говорилъ, что эти итальянцы...

Другой медленно растиралъ французской водкой сочленіе кисти руки и не сразу отвѣтилъ.

— Такъ-то такъ, но Ралисъ-Зедвицъ его навѣрное раскатаетъ на всѣ корки. Знаешь, мы вчера съ нимъ бились на рапирахъ въ кадетскомъ корпусѣ и онъ насъ всѣхъ такъ отдѣлалъ, что лучше не надо. То было грандіозное побоище — и сущій позоръ для насъ.

— Нашелъ кѣмъ восторгаться, — возражалъ первый, — этимъ длиннымъ, неуклюжимъ увальнемъ. Пока онъ сообразитъ, куда направить ударъ, итальянецъ искрошитъ его на куски. Ну, словомъ, — если хочешь, я ставлю одинъ противъ десяти, что этотъ юнецъ затормошитъ графа.

— А кстати, — вступился третій офицеръ, — графиня, вѣдь, тоже общалась бы?

Старшина, въ черномъ щегольскомъ фракѣ, насмѣшливо улыбнулся въ отвѣтъ.

— Будьте покойны, она пріѣдетъ...

Красавица-графиня станетъ собственной персоной, своими восхитительными ручками раздавать призы, которые иныхъ осчастливятъ менѣе, нежели равнодушный взглядъ ея изумрудныхъ глазъ — не такъ ли баронъ? Впрочемъ, господа, совѣтую вамъ, поэтому не терять присутствія духа на помостѣ, — ея чары непреодолимы.

— Знаете, — между нами будь сказано, — супружество это для меня настоящая загадка. Салисъ — простой грубый мясникъ, и такая божественно-прекрасная женщина ему вѣрна. Мнѣ кажется, что Салисъ имѣетъ на нее безграничное, роковое вліяніе; въ этомъ человѣкѣ есть какая-то злокачественная магнетическая сила, которою онъ приковываетъ къ себѣ.

Но старшина клуба снова насмѣшливо улыбнулся.

— Можетъ быть и такъ. Я же съ своей стороны полагаю, что эта барыня, pardon — прошу извинить меня, — эта неземная красота жаждетъ только поклоненія и больше ничего. Она хочетъ, чтобы всѣ съ раскрытыми отъ изумленія глазами и ртами пресмыкались у ея ногъ, — но далѣе она не допустить до своей особы ни на шагъ простого смертнаго, — она холодна, какъ ледяная сосулька, — все прочее ее не тѣшитъ.

— Вотъ какъ, — но въ такомъ случаѣ, какова же роль графа при ней?

— Графъ? — Ну тотъ также не изъ пылкихъ. Впрочемъ, онъ возьметъ безъ всякихъ разговоровъ все, что ему нужно, — а въ остальномъ, съ справедливой гордостью ведетъ списокъ несчастныхъ поклонниковъ своей жены.

— Какъ вы язвительны сегодня, — ужъ не вздыхаете ли вы сами безъ надежды по графинѣ...

— Bon soir, messieurs! — Добрый вечеръ, господа.

Вошелъ Маринальди, — на его поклонъ вѣжливо отвѣтили, затѣмъ наступило неловкое молчаніе. Офицеры плохо понимали по итальянски, а „юнецъ“ немилосердно коверкалъ французскій языкъ. Итальянецъ молча переоблачался; у него, дѣйствительно, была прекрасная гармонично-развитая фигура съ крѣпкими и гибкими мышцами. Лицо его, еще не оттѣненное усами и бородою, было прекрасно, — движенія отличались благородною простотою и увѣренностью. Онъ смотрѣлъ истымъ римскимъ княземъ въ своемъ изысканномъ костюмѣ; Маринальди былъ весь въ бѣломъ, даже личная маска была бѣлая, только руки обтягивали черныя перчатки, — черные быстро и нервно движущіеся пальцы производили какое-то своеобразное, почти зловѣщее впечатлѣніе. Старшина клуба

приблизился съ поклономъ къ Маринальди.

— Пойдемте со мною, — только что прибылъ графъ Салисъ-Зедвицъ съ супругою, — я хочу васъ представить имъ. Графиня — патронесса нашего клуба, а графъ вашъ главный соперникъ въ искусствѣ фехтованія.

Итальянецъ улыбнулся, не говоря ни слова и послѣдовалъ за старшиною.

Тѣмъ временемъ большая зала уже наполнилась зрителями, между тѣмъ какъ въ смежной съ нимъ гостинной почетные гости еще бесѣдовали между собою.

Графиня стояла по срединѣ покоя, представляя изъ себя живой центръ всеобщаго вниманія. Темно-рыжіе волосы съ бронзовымъ отливомъ окаймляли ея безстрастное блѣдное лицо, въ которомъ сіяли великолѣпные, прерзительные, зеленые глаза; линія губъ обозначалась тонкой почти безцвѣтною чертою. Крупный и неуклюжій графъ стоялъ рядомъ съ женою и, подбоченясь, небрежно раскачивался на широко разставленныхъ ногахъ.

Разговоръ сосредоточивался на итальянской „звѣздѣ“.

— У него непостижимая вѣрность удара и къ тому же удивительная рутина въ такомъ возрастѣ, — вѣдь, Маринальди по годамъ, въ сущности, еще ребенокъ, — эти молодцы тамъ въ Италіи появляются на свѣтъ уже съ ножомъ въ рукѣ — ха-ха-ха, — у насъ юноша его лѣтъ не осмѣлился бы выступить передъ публикой.

— Говорятъ, что онъ еще не вѣдаетъ женской любви — и грѣха, — замѣтилъ кто-то вполголоса. Кругомъ послышался громкій хохотъ.

— Ну тогда нѣтъ ничего удивительнаго въ его успѣхѣ: — спокойное сердце и не растроченныя силы — ха-ха-ха — смѣхъ возобновился.

Графиня незамѣтно устремила взоръ на говорившаго. Старшина клуба подвелъ къ графинѣ Маринальди и представилъ его ей; завязался разговоръ на салонномъ французскомъ языкѣ, на которомъ итальянецъ изъяснялся съ варварскимъ акцентомъ и столь же невѣроятными оборотами рѣчи.

— Я уже много слышала о васъ, — начала графиня, — вы, говорятъ, замѣчательно деретесь на шпагахъ... Вы сегодня хотите отнять пальму первенства у моего мужа?

Итальянецъ усмѣхнулся, но не возражалъ.

— Вы увѣрены, что побѣдите его? — продолжала красивая женщина.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ.

Эта невозмутимая самоувѣренность всѣхъ поразила. Графиня разсмѣялась,

а графъ продолжалъ раскачиваться, широко разставивъ ноги.

Послѣ нѣкотораго молчанія графиня взяла со стола изящный портсигаръ и протянула его итальянцу.

— Не выкурите ли вы со мною папиросу, синьоръ Моринальди?

— Я не курю, графиня, — это вредно.

Графиня удивилась.

— Развѣ? — не думаю... только этотъ одинъ разъ... Вы не знакомы ни съ однимъ изъ ядовъ... — лукаво процѣдила она — совѣтую испытать — это сильное и сладостное ощущеніе...

Итальянецъ отрицательно покачалъ головою.

Глаза графини расширились, она нервно передернула плечами.

— Но если я васъ объ этомъ попрошу, — за компанію со мной... для меня... ради меня...

— Я уже сказалъ, что курить не буду...

У него эти слова вырвались внезапно, почти грубо. Теперь разсмѣялся самъ графъ, а красавица вся вздрогнула и установилась на юношу своими сверкающими зрачками — зелеными... коварными, а можетъ быть и искренними... У Моринальди подкосились ноги.

Изъ большой залы доносится говоръ и гулъ голосовъ. Наверху на помостѣ дерутся противники, налетаютъ другъ на друга, отскакиваютъ и снова бросаются впередъ; слышится стукъ клинковъ, чье-то тяжелое прерывистое дыханіе, яростный натискъ и крикъ.

— Я раненъ, — раздается сдавленный возгласъ, состязаніе кончено и судья, — специалистъ военнаго дѣла, отмѣчаетъ чью-то побѣду.

На помостъ поднимаются новые борцы.

Моринальди и графъ стоятъ другъ противъ друга. Настала та великая минута, когда чужеземный мальчишка вывернетъ побѣдный вѣнокъ изъ графскихъ рукъ. Внизу надъ креслами зрителей все стихло: слышно, какъ съ легкимъ трескомъ вспыхиваютъ восковые свѣчи, — одна расплавленная капля упала на металлическій подсвѣчникъ.

Противники обмѣниваются поклонами. Моринальди тупо смотритъ передъ собою. Его тщеславіе затронуто и его мысли мѣшались, какъ въ лихорадкѣ. Триумфаторомъ вернется онъ на родину, король ему подастъ руку и всѣ будутъ имъ восторгаться. Не слѣдуетъ только поворачивать головы — ни въ какомъ случаѣ, — тамъ внизу слѣдятъ за нимъ изумрудные глаза, — они выслѣживаютъ его счастье. Только бы не взглянуть въ ея сторону, — онъ чувствуетъ на себѣ ея палящій взоръ, — зачѣмъ она такъ смотритъ на него? Проклятіе! Не помѣшался ли онъ? Не

выкурилъ ли онъ ту отравленную сладкимъ ядомъ папиросу? Его колѣни дрожать — а вокругъ отовсюду слышится шопотъ: — „для меня, — ради меня!“

— Сходитесь! — провозглашаетъ судья.

Клинки зазвенѣли. Скорѣе, скорѣе надо кончить. Онъ бросается на графа, какъ тигръ, бѣшенными учащенными атаками, которыя сопровождается возгласами: — ла-ла-ла.

Туманъ разстилается у него передъ глазами. Его удары нелѣпы и невѣрны! Теперь онъ выжидаетъ отвѣтнаго удара графа, — нужно сосредоточиться, чтобы кончить. Выжидая, онъ стоитъ неподвижно, въ его рукахъ быстро вращается шпага, со свистомъ разрывая воздухъ. Теперь — вотъ графъ открылъ бокъ — одинъ послѣдній прыжокъ...

А — ахъ — неужели онъ посмотрѣлъ въ сторону или она встала съ мѣста? Ужасные глаза — изумрудный взоръ — они въ упоръ смотрятъ на него — насмѣхаются — „ради меня“ — „для меня“ — она хочетъ его сгубить! Это не честная борьба! — О эти зеленые глаза — онъ ихъ выколетъ, — выколетъ — погаситъ — въ изступленіи онъ поднимаетъ руку. Прямо въ грудь попалъ ему мѣткій ударъ графа. Неистовый ревъ, бѣшеные крики восторга потрясли залу въ то время, какъ отъ стыда и бѣшенства онъ падалъ на колѣни. Его взоръ былъ все еще устремленъ на графиню и съ запекшихся устъ сорвалась жалоба:

— Я раненъ!

— Прямо въ сердце — съ гадкою усмѣшкою пробормоталъ графъ, отмѣчая въ умѣ новую жертву своей супруги.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ ИСКОРКИ.

У зубного врача:

Зубной врачъ (обращаясь къ пациенту).

Если зубъ васъ беспокоитъ, то его необходимо удалить.

Пациентъ: — Прекрасно, я согласенъ.

Зубной врачъ (послѣ операции): — Дѣло сдѣлано, пожалуйста мнѣ одинъ рубль!

Пациентъ: — Какъ, — за что? Меня безпокоилъ вѣдь только зубъ, а рубль меня не тревожитъ и его не къ чему удалять.

Скромныя требованія.

— Нѣтъ, мой добрый другъ, я не могу васъ любить, — замѣчаетъ она съ сожалѣніемъ.

— Это вовсе и не нужно, я буду совершенно счастливъ, если вы разрѣшите мнѣ доказать вамъ свою любовь.

Модный докторъ.

— Ну, докторъ, — къ какому заключенію пришли вы? — спрашиваетъ пациентка послѣ тщательнаго медицинскаго освидѣтельствованія.

— Я нахожу, — отвѣчаетъ юный, но многообѣщающій докторъ, — что вы свѣжи и жизнерадостны! Весьма интересный случай въ моей практикѣ, — я попрошу васъ снова зайти чрезъ недѣлю на консультацію.

Остроумная кассирша.

Элегантный офицеръ, побѣдоносно покручивая усы и звеня шпорами, подходитъ къ прилавку, за которымъ возсѣдаетъ хорошенькая кассирша.

— При входѣ въ кофейню мой первый взглядъ направляется на кассу — ради васъ...

— А при входѣ въ будуаръ вашей невѣсты вашъ первый взоръ устремляется на нее — ради ея кассы — не такъ-ли?

Дѣтская наивность.

— Знаешь ли, Нюта, кадетъ выше генерала...

— Не можетъ быть, — какъ это понять?

— Сестра Лиза простила кадета, когда онъ ее неожиданно поцѣловалъ, а генерала, который ей слишкомъ долго жалъ руку, она ударила вѣеромъ.

Превратныя понятія.

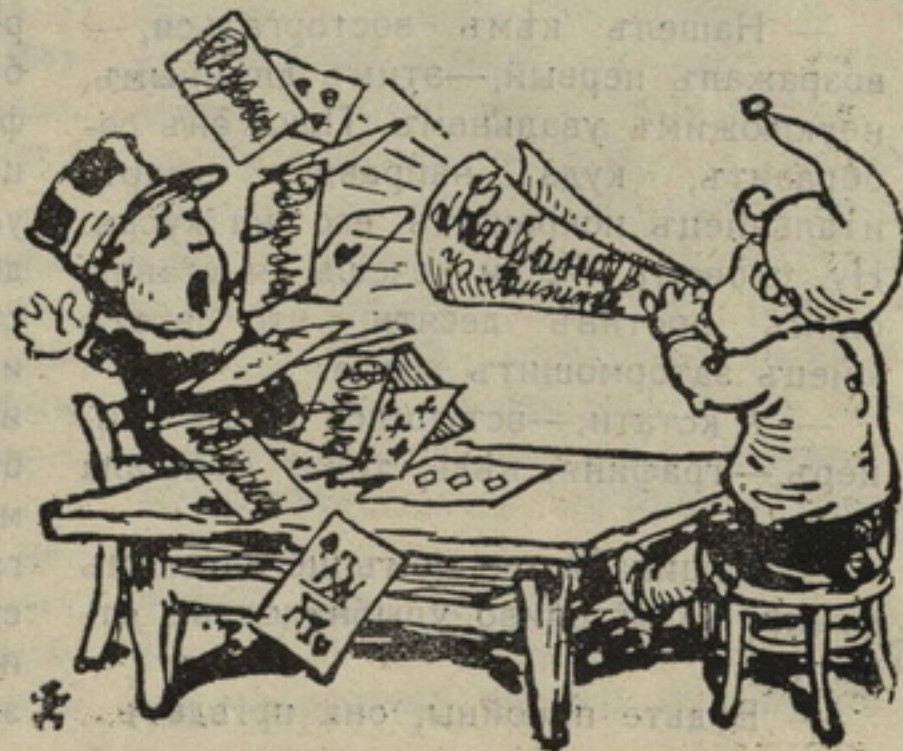
— Увѣрю тебя, моя дорогая, что наша бонна фальшива и коварна какъ кошка!

— Но, мамочка, почему же папа ее называетъ своимъ мышенкомъ? — спрашиваетъ Петя въ недоумѣніи.

Безнадежная печаль.

Старая дѣва нашла небольшую металлическую пуговицу и предается горестнымъ размышленіямъ!

— Гдѣ бы могъ находиться тотъ интересный холостякъ, которому она принадлежитъ?!

ГАЗЕТА ГАЗЕТЪ

Имѣется въ продажѣ у всѣхъ газетчиковъ, въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ по 6 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На 1 г. съ д. 3 р. — к.

Заграницу:

„ 1/2 „ „ 2 „ — „

На 1 г. 4 р. — коп.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:

С.-Петербургъ, Литейный пр. 38, кв. 8.

За строку объявленія (нонпарелью) по 30 к.

ОТОВСЮДУ.

Бой быковъ въ Алжесирасѣ. Гостепріимная Испанія устроила въ честь иностранныхъ делегатовъ съ недѣлю тому назадъ бой быковъ, послѣ котораго на аренѣ осталось шесть животныхъ съ распортыми боками. Неизвѣстно, насколько иностранцамъ пришло по вкусу это традиціонное національное зрѣлище испанскаго народа, но для любителей сильныхъ ощущеній оно, конечно, явилось развлеченіемъ послѣ томительныхъ словесныхъ препирательствъ конференціи.

Евреи въ русскихъ университетахъ, Петербургскій корреспондентъ „Berliner Tageblatt“ сообщаетъ, какъ слухъ, что совѣтъ министровъ постановилъ допускать евреевъ въ высшіе учебныя заведенія безъ процентнаго ограниченія.

Переговоры о новомъ русскомъ займѣ продолжаются съ группою парижскихъ банкировъ на условіяхъ, ранѣе выработанныхъ министерствомъ финансовъ и въ общемъ не отступающихъ отъ прежнихъ.

Продажа земель великаго князя Алексѣя Александровича. Изъ Петербурга пишетъ корреспондентъ Berliner Tageblatt, что по слухамъ великій князь Алексѣй Александровичъ намѣренъ продать крестьянамъ всю свою земельную собственность въ Россіи, по цѣнѣ, которая будетъ установлена выборными отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Погашеніе долга будетъ производиться путемъ ежегодныхъ взносовъ.

Революція въ Тегеранѣ. Несмотря на проектируемый „домъ справедливости, какъ нѣкоторое подобіе европейскихъ парламентовъ, народное

броженіе возрастаетъ во владѣніяхъ царя царей. Въ главѣ движенія муллы и значительная часть купечества, которое близко къ раззоренію вслѣдствіе существующихъ таможенныхъ порядковъ.

Поѣздка германскаго императора по Средиземному морю согласно сообщенію „Eclair“ состоится въ нынѣшнемъ году нѣсколько позднѣе. Вильгельмъ II предполагаетъ посѣтить папу и обсудить съ нимъ вопросъ о протекторатѣ надъ христіанами на ближнемъ востокѣ (Іерусалимѣ). Оригинальная и смѣлая мысль для протестантскаго монарха!

Крупная пропажа. У графини Красинской похищено на пол-милліона брилліантовъ въ Георгіевской гостиницѣ въ Вильнѣ.

Даръ короля Альфонса XIII. Испанскій король провелъ около недѣли въ семьѣ своей невѣсты въ Біаррицѣ и передъ отъѣздомъ въ Мадридъ пожертвовалъ 1000 фр. въ пользу бѣдныхъ города, чтобы увѣковѣчить добрымъ дѣломъ свое юное счастье.

Памятникъ, находящійся подъ цензурою. Рижскій Вѣстникъ сообщаетъ, что текстъ надписи на памятникѣ, находящемся въ Ригѣ на дворцовой площади, первоначально гласилъ: „онъ возвратилъ царство монархамъ, свободу—народамъ“. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, во времена крайней реакціи слово „свобода“, показавшееся злокачественнымъ, было замѣнено довольно неудачно выраженіемъ „законы“. Неужели не пришло еще время возстановить память императору Александру I Благословеннаго безъ подобныхъ мелочныхъ искаженій?

Хроника.

Извѣстный тульскій земскій дѣятель кн. Г. Е. Львовъ заявилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что въ виду многочисленныхъ, чуть ли не сплошныхъ арестовъ лицъ, оказывающихъ продовольственную помощь пострадавшимъ отъ неурожая, онъ принужденъ будетъ сложить полномочія по завѣдыванію этимъ дѣломъ. Какъ на примѣръ невозможныхъ условій для такой работы, онъ указываетъ на инженера Чаева, который на собственные и пожертвованныя значительныя суммы сталъ открывать различныя благотворительныя учрежденія для пострадавшихъ отъ неурожая—столовые, продовольственные пункты и проч., но принужденъ былъ вскорѣ прекратить свою дѣятельность, такъ какъ былъ арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, хотя и имѣлъ открытый листъ отъ губернатора. При чемъ даже губернатору стоило довольно большого труда освободить г. Чаева изъ подъ жандармскаго ареста. Послѣ освобожденія г. Чаевъ прекратилъ свою дѣятельность и тотчасъ же уѣхалъ.

Городское общественное управленіе организуетъ въ скоромъ времени городскія попечительства о бѣдныхъ. Проектъ попечительства уже разработанъ спеціальной комисією. Для участія въ дѣятельности ихъ предполагается привлечь главнымъ образомъ женщинъ. Въ составъ попечительства войдетъ до 2000 лицъ. Попечительства войдутъ въ сношеніе со всѣми частными благотворительными учрежденіями для того, чтобы возможно было согласовать ихъ дѣятельность съ дѣятельностью попечительства. Кромѣ того попечительства будутъ содѣйствовать особому городскому присутствію по разбору и призраженію нищихъ въ его борьбѣ съ нищенствомъ.

Приѣхавшіе изъ Балтійскаго края говорятъ, что вездѣ возстаніе усмиряется, особенно дѣйствуетъ энергично отрядъ ген. Орлова, но въ виду упорнаго и дикаго характера латышей было бы преждевременнымъ вывести оттуда войска. Ихъ надо держать года два въ краѣ, ибо и теперь зачастую, какъ только русскіе уйдутъ изъ села туда вновь являются революціонеры. Одно изъ гнѣздъ революціонеровъ сосредоточилось между Феллиномъ и Валкомъ. Всѣ деревни, станціи и полустанки были въ рукахъ революціонеровъ; рассказывали, что приходитъ отрядъ на станцію ночью, занимаетъ ее, агенты, телеграфисты и станционное начальство притворялись спящими, а затѣмъ вдругъ обнаруживалось, что дѣйствуетъ или телефонъ, или телеграфъ, это агенты сообщаютъ сосѣднимъ станціямъ о приходѣ русскихъ. Въ Валкѣ былъ обнаруженъ случай сибирской язвы, были командированы военные врачи и она прекращена. Въ Юрьевѣ революціонеры завладѣли было университетомъ, обративъ его въ свой клубъ. Теперь онъ освобожденъ.

Вслѣдствіе особенной скученности и плохимъ санитарнымъ условіямъ въ нѣкоторыхъ полицейскихъ домахъ среди арестованныхъ открылся возвратный тифъ. Арестованныхъ пришлось вывести на три дня въ тюрьмы и дезинфицировать помѣщенія. Градоначальникъ предполагаетъ созвать особую комиссію, которая вѣдала бы помѣщеніями для арестованныхъ.

21 января въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался выработанный министромъ юстиціи проектъ новаго закона о смертной казни за убійства посредствомъ взрывчатыхъ веществъ (бомбами, адскими машинами и т. д.). Проектъ новаго законоположенія разсматривался совершенно неожиданно для членовъ Совѣта, такъ какъ Высочайшее повелѣніе послѣдовало 20 января и повѣстки на засѣданіе были разосланы поздно вечеромъ.

Къ вопросу о поддержкѣ запасныхъ. Отъ имени кружка русскихъ женщинъ, содержащихъ лазаретъ для раненыхъ войновъ, возбуждены аналогичныя ходатайства передъ военнымъ и городскимъ общественнымъ управленіемъ объ оказаніи помощи вернувшимся съ театра войны раненымъ и здоровымъ запаснымъ нижнимъ чинамъ, находящимся въ Петербургѣ въ крайней бѣдности. Въ ходатайствахъ указывается на то, что большое число освобожденныхъ запасныхъ приѣхали съ войны въ Петербургъ въ надеждѣ здѣсь, скорее чѣмъ гдѣ либо, найти какой ни-

будь заработокъ или службу. Въ расчетахъ они, конечно, ошибаются и вскорѣ впадаютъ здѣсь въ крайнюю нужду, нищенствуютъ и вообще окончательно деморализуются. Многіе изъ нихъ пробовали обращаться съ ходатайствомъ къ военному вѣдомству и въ градоначальство о выдачѣ имъ средствъ или бесплатнаго билета для возвращенія на родину и всюду получили отказъ. Военное вѣдомство, предоставляя запаснымъ право вернуться съ войны на казенный счетъ въ какой угодно городъ Россіи, въ дальнѣйшемъ совершенно не желаетъ знать несчастныхъ запасныхъ. Кружокъ русскихъ женщинъ помимо содержанія лазарета съ ранеными много средствъ потратилъ на вспомошествованіе запаснымъ для возвращенія на родину, но теперь эти средства совершенно изсякли, а число нуждающихся все увеличивается. Группа гласныхъ думы вполне сочувственно относится къ означенному ходатайству и будетъ ратовать за его удовлетвореніе на ближайшемъ засѣданіи думы, на разсмотрѣніе которой управа передаетъ это ходатайство.

Транспортъ писемъ изъ Сибири. Ндняхъ въ Петербургѣ ожидается цѣлый поѣздъ почтовой корреспонденціи изъ Сибири, задержанной болѣе полтора мѣсяца на линіи Сибирской жел. дор., вслѣдствіе господствовавшей за это время на линіи неурядицы съ отправленіемъ поѣздовъ. Поэтому корреспонденція изъ городовъ Манчжуріи не отправлялась совсѣмъ, а изъ мѣстностей восточной и западной Сибири если и отправлялась, то исключительно по почтовымъ трактамъ. Что касается почтовой корреспонденціи, все-таки прибывавшей иногда въ Россію, то это объясняется тѣмъ, что она доставлялась съ „оказіей“ въ войскахъ и санитарныхъ поѣздахъ.

Сѣздъ управляющихъ страховыми обществами. 24 января предполагается въ Петербургѣ сѣздъ управляющихъ страховыми обществами Петербурга и Москвы. Предметомъ сѣзда будутъ вопросы о паденіи процентныхъ бумагъ и объ убыткахъ, причиненныхъ погромами и вооруженными возстаніями.

Какъ передаетъ „Росс. Тел. Аг.“, предполагается установить всѣмъ членамъ государственнаго совѣта одинаковое содержаніе, такъ же какъ и сенаторамъ.

Какъ слышало „Росс. Тел. Аг.“, намѣстничество на Кавказѣ въ скоромъ времени упраздняется. На Кавказѣ будетъ образовано три генералъ-губер-

наторства, одно на Сѣверномъ Кавказѣ, одно въ Закавказьѣ и третье кутаисское, существовавшее уже ранѣе, но упраздненное.

Въ газетѣ „Московская Недѣля“, которая выйдетъ въ непродолжительномъ времени въ Москвѣ подъ редакціей кн. Е. Н. Трубецкого, по словамъ московскихъ газетъ, приметъ участіе Л. Н. Толстой.

Въ канцеляріи попечителя народнаго просвѣщенія. Канцелярія попечителя охраняется часовымъ. За послѣднее время студенты 4-хъ курсовъ усиленно подаютъ прошенія для права держанія экзаменовъ. Юристами уже подано 170 прошеній. Переносъ экзаменовъ на слѣдующую сессію не разрѣшается. Первый экзаменъ на юридическомъ факультетѣ будетъ производится въ 1-й гимназіи (уг. Кабинетской и Ивановской).

Канцелярія предвыборныхъ характеристикъ. Въ газетахъ мелькомъ упоминалось о таинственной канцеляріи, учреждаемой при премьеръ-министрѣ. По слухамъ, уже приглашено определенное лицо для завѣдыванія этимъ дѣломъ. Задачей ея будетъ опредѣленіе характеристикъ лицъ, имѣющихъ шансы попасть въ Государственную Думу. Для этого уже теперь приступлено къ составленію біографій видныхъ общественныхъ дѣятелей, членовъ партій и союзовъ и пр. На канцелярію будто бы отпущено 25,000 рублей и пр. Затѣя странная, если слухи эти вѣрны.

Какъ и въ чемъ везутъ въ Россію раненыхъ съ войны. Въ какихъ условіяхъ перевозятся съ Дальняго Востока на родину раненые, можно судить по жалобѣ и ходатайству предъ высшей администраціей начальника одного изъ вспомогательныхъ военно-санитарныхъ поѣздовъ № 5 капитана Мельницкаго. Почти два мѣсяца назадъ капитанъ Мельницкій рапортовалъ, что всѣ вагоны названнаго поѣзда № 5 со щелями, въ которыя проникаетъ снѣгъ. Вдушіе здѣсь врачи, санитарный персоналъ поѣзда и больные страдаютъ отъ холода, постоянныхъ сквозняковъ, простужаются и пр. Рапортъ Мельницкаго остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, его не удостоили даже отвѣтомъ. Вагоны многихъ изъ вспомогательныхъ военно-санитарныхъ поѣздовъ, построенные спѣшно, небрежно, отъ времени пришли въ полную негодность, рейсируютъ по линіямъ со слабыми разбитыми ходами (колесами) и ежеминутно угрожаютъ катастрофой.

Къ отправкѣ слѣдователей въ мѣстности аграрныхъ безпорядковъ. Изъ кандидатовъ на судебныя должности согласились отправиться въ качествѣ судебныхъ слѣдователей въ мѣстности, охваченныя аграрными безпорядками, — только 5 человекъ, не смотря на огромное содержаніе, предложенное имъ: 400 руб. жалованія въ мѣсяцъ и 300 руб. подъемныхъ. Передъ ихъ отъѣздомъ и. д. прокурора г. Камышанскій обратился къ этимъ кандидатамъ съ рѣчью, въ которой указалъ на огромную важность предстоящей имъ работы; рекомендовалъ во всемъ содѣйствовать полициі, въ случаѣ недоразумѣній обращаться къ ней за совѣтомъ и вообще пользоваться указаніями административныхъ властей. Въ награду за добросовѣстное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей они, по слова прокурора, могутъ рассчитывать вернуться въ Петербургъ товарищами прокурора, да и вообще будутъ пользоваться многими преимуществами.

Судъ и политика. Одинъ изъ членовъ полтавскаго суда, состоящій виднымъ представителемъ мѣстнаго отдѣла конституціонно-демократической партіи, получилъ предписаніе или оставить службу, или покинуть конституціонно-демократическую партію. Предписаніе послѣдовало, повидимому, на основаніи министерскаго циркуляра.

Къ вопросу о городской милиціи. По слухамъ, избранная думою особая коммиссія для разработки проекта городской милиціи совершенно прекращаетъ свою дальнѣйшую дѣятельность, выставляя на видъ, что, въ виду рѣзко измѣнившихся условій нынѣшней политической жизни въ странѣ, всякая организація городской милиціи, гражданской стражи и проч. является совершенно бесполезной.

Слѣдствіе въ главномъ управленіи почтъ и телеграфа. Въ главномъ управленіи почтъ и телеграфовъ въ настоящее время ведется слѣдствіе, цѣль котораго выяснить степень виновности служащихъ, послѣ забастовки примкнувшихъ къ союзу почтово-телеграфныхъ чиновниковъ.

Закрытіе столовой. Столовая при курсахъ Лесгафта для рабочихъ, основанная „комитетомъ по оказанію помощи безработнымъ“, закрыта полиціей. Подобная же судьба постигла и рядъ другихъ столовыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ФИСКАЛЬ“

И

„ГАЗЕТУ ГАЗЕТЪ“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

3 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи.

На 6 мѣсяцевъ 2 руб.
За границу въ годъ 4 „

Деньги и требованія адресовать въ Контору Редакціи СПБ., Литейный 38, кв. 8.
Отдѣльные экземпляры продаются у всѣхъ столичныхъ газетчиковъ, въ газетныхъ кіоскахъ и на всѣхъ станціяхъ жел. дор. по 6 коп.

Редакторъ-Издатель Г. Нарусбекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

издаваемые при С.-Петербургской Духовной Академіи.

- 1) „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.
 - 2) „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“ — ежемѣсячный журналъ, органъ богословскій и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.
- Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція съ 1895 г. издаетъ и въ 1906 году заканчиваетъ изданіемъ

Полное Собраніе Твореній Св. Іоанна Златоуста.

въ русскъ мѣ переводѣ

на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно 1) подписчики на оба журнала получаютъ въ 1906 г. большой томъ этихъ твореній въ трехъ книгахъ (около 1600 страницъ, убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ четыре рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ журналъ — за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку; 2) кромѣ того, каждый подписчикъ имѣетъ право получить по одному экземпляру прежде вышедшихъ томовъ (въ двухъ книгахъ) по 2 руб. (вмѣсто трехъ) за томъ съ пересылкой (за переплетъ каждого тома прилагать по 50 коп.). При такихъ льготныхъ условіяхъ подписчики „Церк. Вѣстника“ и „Христ. Чтенія“ получаютъ возможность при назначительномъ сравнительно расходѣ приоблѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви.

Въ 1906 г. будетъ изданъ послѣдній двѣнадцатый томъ въ трехъ книгахъ, въ который войдутъ Бсѣды на посланія св. Апостола Павла къ Евреямъ, Литургія св. Іоанна Златоуста, болѣе 70 словъ на разныя темы, отрывки толкованій на кн. Іова, притчи Соломоновы, прор. Іеремію и др. и полный Указатель къ 12 томамъ „Златоуста“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ пять руб., съ приложеніемъ 12-го тома „ЗЛАТОУСТА“ — 6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.; за „Христианское Чтеніе“ пять руб., съ приложеніемъ 12-го тома „ЗЛАТОУСТА“ — 6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.

б) За оба журнала вмѣстѣ восемь руб., съ приложеніемъ 12-го тома „ЗЛАТОУСТА“ — 9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

За границей: за оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ 12-го тома „ЗЛАТОУСТА“ — 11 р. 50 к., въ переплетѣ 12 р.; за каждый журналъ отдѣльно 7 руб., съ приложеніемъ 12-го тома „ЗЛАТОУСТА“ — 9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

И-огородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр. 182, кв. 10), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Редакторы: проф. Д. Муртовъ.
проф. П. Смирновъ.

Кровожадный, дикий, страшный,
Подъ нагайки рвзкий звукъ,
Въ бой смертельный, рукопашный,
Рвется нашъ баши-бузукъ.

Напрягая всѣ усилья
Врызнуть кровью по спинѣ,
Онъ несетъ съ собой насилья,
Звѣрства, ужасы, странѣ.

Редакторъ-Издатель Г. Нарубенъ.